

Научная статья

УДК 811.113.4

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16306>

EDN: <https://elibrary/LBHNOP>

ВЫРАЖЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НАБЛЮДАТЕЛЯ ПОСРЕДСТВОМ «РАССОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН» В ДАТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Д.Б. Никуличева

Институт языкоznания РАН,
Москва, Российская Федерация

nikoulitcheva@yandex.ru

Аннотация. Задача статьи состоит в исследовании феномена согласования времен и его системных нарушений в современном датском языке с целью объяснения этих явлений с позиций когнитивной лингвистики, лингво-прагматики и антропоцентризма. Предметом исследования являются различные типы функционально- и контекстуально-обусловленных нарушений темпоральной согласовательной нормы в новостных и художественных текстах современного датского языка. Эти нарушения рассматриваются в статье в лингво-прагматическом ракурсе, в результате чего выявляются нюансы коммуникативных смыслов, выражаемые нарушением базовой согласовательной нормы. В этом плане исследуются такие явления как нарушение проспективной согласовательной нормы (*Futurum* vs. *Futurum in Præterito*) и нарушение ретроспективной согласовательной нормы (*Perfektum* vs. *Plusquamperfektum*, *Praesens* vs. *Præteritum*, *Præteritum* vs. *Plusquamperfektum*). Новизна исследования заключается в использовании категорий перспективизации и дистанцирования в качестве базовых для понимания закономерного усложнения аналитических форм датского глагола, а также для объяснения разных типов нарушений согласовательной нормы. Методика исследования состоит в: 1) соотнесении ситуаций, упоминаемых в рамках одного высказывания, но объективно разнесенных во времени, с теми грамматическими формами, которыми выражены их предикаты; 2) в сопоставлении таксисных фрагментов текста на датском языке с их переводными русскими эквивалентами; 3) в сопоставлении функционирования темпоральных форм в художественных и медийных текстах. Материалом послужили параллельные художественные тексты, представленные датскими оригиналами и их художественными переводами на русский язык, а также Национальный корпус современного датского языка. Результатом исследования стал вывод о том, что употребление несогласованных темпоральных форм в датских художественных и новостных текстах имеет единое когнитивное объяснение, основанное на изменении временной перспективы продуcentом текста, в то время как различие конкретных формальных типов нарушений определяется коммуникативной спецификой художественного и медийного дискурса.

Ключевые слова: датский язык, таксис, нарушение согласовательной нормы, перспективизация, темпоральная эмпатия, темпоральное дистанцирование, эпистемическое дистанцирование.

Для цитирования: Никуличева Д.Б. Выражение перспективы наблюдателя посредством «рассогласования времен» в датских художественных и медийных текстах // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 87–101. DOI: 10.18721/JHSS.16306

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16306>

EXPRESSING OBSERVER PERSPECTIVE THROUGH “MISALIGNMENT OF TENSES” IN DANISH FICTION AND MEDIA TEXTS

D.B. Nikulicheva

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russian Federation

nikoulitcheva@yandex.ru

Abstract. The article studies the sequence of tenses phenomenon and its systemic violations in the modern Danish language in order to explain these phenomena from the standpoint of cognitive linguistics, pragmatics, and anthropocentrism. The subject of the study is various types of functional and contextual violations of the temporal agreement rule in Danish fiction and media texts. A linguo-pragmatic perspective chosen to study violations of the basic agreement norm helps to reveal nuances of communicative meanings. In this regard, the following phenomena are investigated: violation of the prospective agreement norm (Futurum vs. Futurum in Præterito), violation of the retrospective agreement rule (Perfektum vs. Plusquamperfektum, Præsens vs. Præteritum, Præteritum vs. Plusquamperfektum). For the first time, the categories of perspectivization and distancing were selected to explain the increasing complexity of analytical forms of the Danish verb, as well as the types of violations of temporal misalignment. The research methodology consists of: 1) correlating situations within one statement which are objectively separated in time with the grammatical forms of their predicates; 2) comparing taxi fragments of the Danish texts with their translated Russian equivalents; 3) comparing the functioning of temporal forms in fiction and media texts. Parallel literary texts, presented by Danish originals and their literary translations into Russian, as well as the National Corpus of the Modern Danish Language served as material for the study. The study reveals that temporal misalignment in Danish fiction and media texts has a common cognitive explanation based on the change in temporal perspective by the producer of the text, while the difference in specific formal types of misalignment in fiction and media is determined by their communicative purposes.

Keywords: Danish language, taxis, misalignment of tenses, perspectivization, temporal empathy, temporal and epistemic distancing.

Citation: Nikulicheva D.B., Expressing observer perspective through “misalignment of tenses” in Danish fiction and media texts, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 87–101. DOI: 10.18721/JHSS.16306

Введение

«Язык создан по мерке человека, этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться», – писал Ю.С. Степанов во вступительной статье к изданию «Общей лингвистики» Э. Бенвениста [1, с. 9]. Антропоцентрический подход понимается автором предлагаемой статьи как исследование того, какими средствами тот «человеческий масштаб», о котором писал Ю.С. Степанов, выражается в грамматической организации определенного языка.

Теоретической основой данного исследования послужила идея К. Бюлера о существовании в любом человеческом языке того, что он называл «системой координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [2, с. 95]. Эгоцентричность является важной категорией в исследовании художественных текстов в связи с авторизацией, образом автора и перспективизацией изложения. Роль наблюдателя как системообразующий фактор в формировании языковой категоризации стала объектом специальных исследований отечественного философа-когнитивиста А.В. Кравченко [3]. Теоретической базой данного исследования служат положения когнитивной лингвистики о значимости

физического опыта в конструировании мира: «Когнитологи практически дополнили семиотическую опосредованность речевой деятельности человека физиологическим измерением – опосредованностью визуального восприятия мира» [4, с. 51].

Ключевым понятием в этой связи является понятие перспективизации. «В когнитивной лингвистике понятия перспективизации и перспективы (*perspectivization, viewpoint, perspective*) рассматриваются как базовый процесс и результат конструирования мира, следующий наиболее общим принципам зрительного восприятия и лежащий в основе построения языковых значений¹. Под перспективизацией понимается когнитивный процесс конструирования под определенным углом зрения образа объекта в дискурсе, осуществляемый языковыми средствами [5].

Процесс перспективизации связан «с естественной способностью выделять объекты на фоне, отбирать наиболее важные для сознания свойства и профилировать их», а также со «взаимной координацией говорящих относительно друг друга и референтной ситуацией. Это, в свою очередь, предполагает установление связи между наблюдателем и наблюдаемым в конкретном акте коммуникации, конструирование объекта относительно позиции, из которой наблюдается ситуация в какой-то конкретный момент. Или иными словами, контекстуализацию референта» [4, с. 56].

Для нашего исследования важны нарративные и когнитивные концепции перспективизации, рассматривающие данный феномен как основу построения значения в тексте и дискурсе [6–8], противопоставление внутренней и внешней перспективы наблюдателя [9, 10], исследования множественности субъектов дискурса [11–13], а также дискурсивные средства создания эмпатии персонажа, повествователя и адресата повествования [14].

Особого рассмотрения заслуживают взгляды датских лингвистов в отношении так называемой «категории отдаления».

Категория отдаления

Исходным тезисом дальнейшего исследования служит утверждение о том, что в основе датской грамматической системы лежит противопоставление пережитой реальности (*den oplevede virkelighed*), в центре которой находится говорящий, всем разнообразным проявлениям отдаления от этой непосредственно воспринимаемой реальности.

Для авторов новейшей академической грамматики датского языка [15] категория отдаления является ключевой. Именно она позволяет объяснить системную омонимию форм реалиса и ирреалиса в датском языке. Так, грамматическая семантика датского претерита может трактоваться «либо как расстояние до мира, который рассматривается как воображаемый, гипотетический, либо как мир, который рассматривается как реальный, фактический, но отстоящий во времени» [15, с. 648]. Темпоральную систему, сложившуюся в современном датском языке, авторы предлагают называть «системой отдаления» (*afstandssystemet*) и подчеркивают, что датская система отдаления «ligger skævt mellem tid og realitet» [15, с. 649].

Эта весьма трудная для перевода формулировка, буквально означающая «лежит косо между временем и реальностью», наглядно подтверждается той пространственной моделью темпоральных форм датского глагола, которая была предложена в результате проведенного ранее психолингвистического эксперимента по выявлению особенностей визуализации биографических событий датскими информантами.

Для носителей датского языка наиболее типичным оказалось представление ситуаций, когда события прошлого располагались слева, все более удаляясь, события актуального прошлого – прямо перед глазами, а события будущего – с последовательным отдалением вперед и вниз. Такая визуализация, накладываясь на систему темпоральных оппозиций датского глагола,

¹ Пертова Н.Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дисс. ... д-ра филол. наук. М: ИЯз РАН, 2017. С. 6.

Рис. 1. Когнитивные планы датской темпоральной системы

Fig. 1. Cognitive plans of the Danish temporal system

позволила смоделировать следующую пространственную ориентацию темпоральных категорий относительно говорящего субъекта (рис. 1) [16, с. 149].

В рамках данной статьи важно подчеркнуть, что континуум удаленности от точки настоящего совпадает с континуумом структурной усложненности соответствующих аналитических форм, то есть что, чем в более удаленной перспективе (реальной или воображаемой) от концептуализатора находится событие, тем более сложной аналитической формой эта удаленность маркируется. Причем наибольшая дистанция (как временная, так и эпистемическая), как это видно из рис. 1, оказывается расположенной по диагонали, то есть, в буквальном смысле, «*ligger skævt*» — «лежит наискось» — между простейшей формой презенса и наиболее сложной из форм ирреалиса, образованной сочетанием претерита модального глагола с перфектным инфинитивом.

Это значит, что в датском языке категория *отдаления* обслуживает задачи перспективизации как реальных, так и воображаемых событий, что нередко наблюдается в рамках одного высказывания:

Det forekommer mig (Ситуация 1: момент речи – **дистанция 0**) *at vi en enkelt gang var på tomandshånd ... og at hun i et forsøg på en fortrolighed... fortalte mig om et hus* (Ситуация 2: удаленность от момента речи в реальное прошлое – **дистанция 1**), *hun havde boet i, sammen med flere andre наркоманer, og hvordan de havde sovet i en stor bunke og om natten simpelthen rakt ud efter den, der lå nærmest* (Ситуация 3: удаленность от момента прошлого в предшествование – **дистанция 2**)... *og jeg så for mig en Hieronimus Bosch-scenarium.* (Ситуация 2: прошлое – **дистанция 1**). *Og jeg burde have undt hende al den lykke* (Ситуация 4, удаленность от момента прошлого в воображаемую ситуацию, **дистанция 3**), *hun kunne få. Men det gjorde jeg ikke* (Ситуация 2: удаленность в прошлое). (Hesselholdt). ‘Мне кажется, что как-то раз мы остались наедине... и что она, пытаясь вызвать меня на откровенность, рассказала о доме, в котором жила вместе с другими наркоманами, и как они спали вповалку и ночью просто тянулись к тому, кто лежал ближе... Я представила сцену из Иеронима Босха... Мне следовало бы тогда порадоваться ее счастью, но я не радовалась’.

Если разместить отмеченные в данном примере четыре темпоральные ситуации на рис. 1, приведенном выше, то окажется, что темпоральные формы, выражающие их в датском языке, действительно, геометрически окажутся на разной удаленности от субъекта речи (дистанция

0 < дистанция 1 < дистанция 2 < дистанция 3), что соотносится с последовательным усложнением используемой грамматической формы предиката: *forekommer* - *fortalte* - *havde boet* - *burde have undt*.

Методика и материал исследования

Как видим из приведенного выше примера, методика исследования состоит в соотнесении ситуаций, упоминаемых в рамках одного высказывания, но объективно разнесенных во времени, с теми грамматическими формами, которыми выражены их предикаты. При этом ситуация, совпадающая с моментом речи, обозначается как дистанция 0, а хронологически все более отстоящие от нее ситуации, как соответственно дистанция 1, 2, 3 и т.д.

Важным методологическим аспектом исследования также является сопоставление таксисных фрагментов текста на датском языке с их переводными русскими эквивалентами. Это позволяет продемонстрировать, насколько важна для датского языка категория темпорального дистанцирования, позволяющая нюансировать темпоральное отдаление от продуцента речи.

Третий методологический аспект, а именно сопоставления художественного и медийного дискурса, возник уже по ходу исследовательской работы. Первоначально задачей было систематизировать типы нарушения датской согласовательной нормы, и, помимо параллельных текстов художественной литературы, материал набирался из Национального корпуса датского языка². Однако в ходе исследования обнаружилось, что некоторые типы рассогласования, наблюдаемые в Корпусе, встречаются лишь в определенном типе текстов, а именно в медийных текстах публицистического характера, в первую очередь в его информационном и аналитическом жанрах (о жанровой классификации медиадискурса см. [16, с. 253–254]). «Особенность адресата медиадискурса состоит в его вовлеченности в pragматическую ситуацию и, как правило, требует непосредственной реакции на речевой акт» [17, с. 252], поэтому pragматические задачи дистанцирования и приближения получают здесь специфическое темпоральное выражение, что будет показано ниже. Исследование грамматических особенностей публицистики находится в русле такого актуального направления как «грамматика языка медиа» [18–20].

Таксисная перспективизация в художественном тексте

Грамматическая семантика дистанцирования наглядно проявляется в случае таксисной перспективизации. В понимании Р. Якобсона, впервые использовавшего термин *таксис* [21] для обозначения категории временной относительности, о таксисе как об особой грамматической категории глагола можно говорить лишь тогда, когда в языке существуют те или иные специализированные глагольные формы, маркирующие временную локализацию *таксисной ситуации* относительно *опорной*. Исследованию в русле функциональной грамматики межкатегориального взаимодействия в сфере таксиса на материале разноструктурных языков (немецкого, нидерландского, русского и польского) посвящена недавняя докторская диссертация И.В. Архиповой³. Вслед за Р. Якобсоном исследователи определяют таксис как не-шифтерную категорию, безотносительную к факту сообщения: «Таксис, характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительную к факту сообщения (в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения)». Вместе с тем мы хотим подчеркнуть, что именно таксисные отношения, выражая временную соотнесенность, участвуют в *расширении* временной перспективы говорящего, усиливая эффект временной отдаленности от позиции концептуализатора-повествователя. При этом в художественном нарративе довольно часто возникает эффект, который мы предлагаем называть

² Национальный корпус датского языка: <https://ordnet.dk/korpusdk/>.

³ Архипова И.В. Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие: дисс. ... д-ра филол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2022. 477 с.

⁴ Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 504.

«телескопическая перспективизация», когда сочетание лексических ориентиров и форм претерита и плюсквамперфекта создает телескопический эффект предшествования предшествованию.

В качестве иллюстрации обратимся сначала к переводу пассажа из романа Кристины Хесельхольдт, где героиня вспоминает свое пребывание в Африке: ‘*В том день подавали рис с бобами в томатном соусе с луком и кусочками авокадо. Снаружи то же самое блюдо на кострах готовили африканские женщины. Я видела это по пути в столовую. Я проходила мимо них утром того дня. Тогда женщины сидели перед хижинами и смотрели. Маленький Джонни упал и поранил пальцы ноги об острый камень. Я схватила его и побежжала к медсестре в главное здание...*

’

Все предикаты русского текста выражены формами прошедшего времени, причем большинство из них – формами несовершенного вида. За счет этого возникает эффект *наблюдаемости процесса*, когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит. Создается образ *совместного* (выделено мной. – Д.Н.) восприятия» [22, с. 278].

Тем самым в русском переводе последовательность событий оказывается грамматически нейтрализованной, зато усиливается эмпатия повествования.

Если же обратиться к датскому оригиналу, то обнаруживается, что здесь грамматическими средствами четко выстраивается линия временной перспективизации: *Den dag blev der serveret ris med bønner i tomat og lidt løg og dertil avocadoskiver. Udenfor, over bålene, kogte den samme bønneret i de afrikanske kvinders gryder.* (Ситуация 1, дистанция 1, Præt). *Det havde jeg set på vej til spisesalen. Jeg havde passeret kvinderne tidligere på dagen* (Ситуация 2, дистанция 2, Plkvp), *da sad de foran deres hytter og kiggede* (Ситуация 2, дистанция 2, Præt). *Lille John var faldet og havde næsten fået skåret storetåen over på en skarp sten.* (Ситуация 3, дистанция 3, Plkvp). *Jeg greb ham og løb imod sygeplejerskens revir i hovedbygningen* (Ситуация 2, дистанция 2, Præt). (Hesselholdt 2010, с. 60) (рис. 2).

За счет этого ситуации организуются в строгой временной последовательности, которую как бы извне обозревает повествователь (внешняя перспектива наблюдателя) (рис. 3).

Общая идея состоит в том, что таксисная перспектива дистанцирует повествователя от ситуации. Помимо временной соотнесенности действий в прошлом, выражаемой сочетанием претерита и плюсквамперфекта, это особенно заметно в ситуациях, когда будущее время персонажа повествования для самого повествователя объективно относится к прошлому:

”*Miskundhed og Sandhed mødes, kære Brødre,*” sagde provsten. ”*Retfærd og Fryd skal kysse hinanden*”. Og den unge mands Tanker var ved det Øjeblik da Lorens og Martine skulde kysse hinanden. (Blixen).

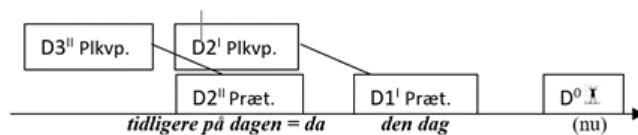

Рис. 2. Линия временной перспективизации

Fig. 2. Line of time perspective

Рис. 3. Внешняя перспектива наблюдателя

Fig. 3. External perspective of the observer

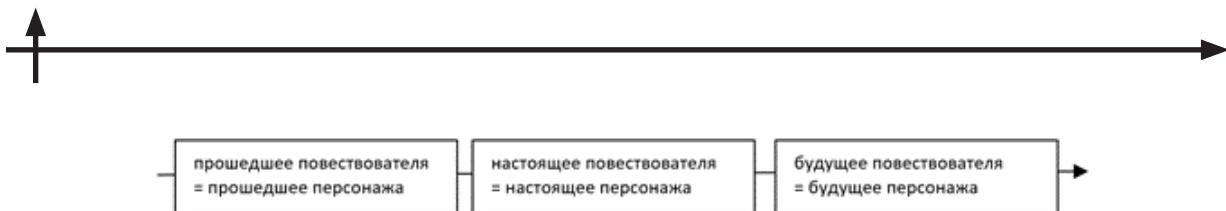

Рис. 4. Грамматическое представление времени в русском языке

Fig. 4. Grammatical representation of time in Russian

Рис. 5. Грамматическое представление времени в датском языке

Fig. 5. Grammatical representation of time in Danish

‘Милость и истина встречаются, дорогие Братья, – говорил пробст. – Правда и мир облобызаются’. А молодой человек в этот миг *думал* о лобызаниях, какими *обменяются* друг с другом Лоренс и Мартина’.

Из сопоставления оригинала и перевода видно, что для грамматического представления времени в русском языке характерно «совместное» существование повествователя и субъекта повествования в «общем» для них временном пространстве: грамматическое прошлое повествователя равно грамматическому прошлому героя, а грамматическое будущее повествователя равно грамматическому будущему героя. Таким образом, грамматическими средствами русского языка формируются три временные области (рис. 4).

В отличие от русской темпоральной системы в плане концептуализации времени датская система относительных времен предполагает *несовпадение временной перспективы говорящего и персонажа* (рис. 5).

Таким образом, по формализованным в языке правилам говорящий – хочет он того или нет – смотрит на повествование из своей временной перспективы, отличной от временной перспективы персонажа. То есть сама грамматическая система датского языка создает когнитивные предпосылки для последовательного дистанцирования повествователя от субъекта повествования.

Нарушение согласовательной нормы в датском языке в антропоцентрическом рассмотрении

На скандинавском материале исследователи не раз отмечали, что нарушение правил согласования – явление широко распространенное, что «вопрос о норме употребления форм должен рассматриваться отдельно для разных коммуникативных планов» [23, с. 80] и что выбор несогласованного времени зависит от того, что за нулевую точку отсчета берется не «тогда», а «сейчас» [24, с. 54].

Понятие перспективизации тесно связано с возможностью построения «множественной перспективы», что позволяет описывать отношения между главным и зависимым предложением, а также выявлять разнообразные «сдвиги дейктического центра в предложении» [4, с. 58]. Сдвиги дейктического центра происходят тогда, когда ситуация представляется автором с точки зрения лица, выступающего в качестве *референциального субъекта* – как устного речевого высказывания, так и нарративного текста.

Казалось бы, речь идет об универсальном свойстве человеческой психики, отраженном в человеческом языке, – способности становиться на место другого человека, сопереживать другому человеку и видеть ситуацию его глазами. Однако если мы сопоставим, как происходит сдвиг дейктического центра в датском языке по сравнению с русским, то обнаружим, что грамматическая категоризация средствами датского языка задает иной стереотип создания «множественной перспективы».

Согласовательная норма: будущее в прошедшем и плюсквамперфект в художественных текстах

Грамматическая категория «согласования времен» отражает важнейшую для германских языков идею грамматической объективации времени как линии, на которой располагаются события, маркируемые специальными темпоральными формами. Грамматическое маркирование *предшествования* прошлому событию (плюсквамперфект) мы предлагаем называть ретроспективным согласованием времен, а маркирование *следования* после прошлого события (будущее в прошедшем – проспективным согласованием).

Для того чтобы создать эффект множественной перспективы, датский автор вынужден использовать специальные лексические и синтаксические приемы приближения внутренней речи персонажа к читателю.

Рассмотрим пример из романа Иды Йессен «Азбучная история», где, на первый взгляд, представлено классическое «согласование времен», когда ментальный предикат в претерите (*havde en fornemmelse*) вводит форму будущего в прошедшем (*ville kunne ødelægge*):

Han havde en fornemmelse af, at han ville kunne ødelegge Susan, knuse hende, hvis han gav efter for den stemme, der uafladeligt hviskede i ham, at nu var det nok, her gik grænsen. (Jessen) ‘Он чувствовал, что способен прикончить Сюзанну, раздавить ее, если *пойдет* на поводу у голоса, который беспрестанно нашептывал: все, *хватит*, дальше некуда’ (Пер. Н. Федоровой).

Для того чтобы представить ситуацию с точки зрения персонажа, в датском тексте используются лексические показатели настоящего времени. Так, наречия *her* ‘здесь’, *nu* ‘сейчас’, *i den sidste tid* ‘в последнее время’ в этом примере отмечают не точку Origo автора повествования, а момент внутренней речи персонажа. Этой же цели служит и нарушение порядка слов: вместо нормативного для придаточного предложения порядка s-a-v здесь использован порядок слов независимого предложения – как если бы это была прямая речь: *Nu var det nok! Her gik grænsen!*

Если же сравнить датский оригинал с русским переводом, то обнаружим, что лексические указания на «здесь» и «сейчас» персонажа в русском тексте вообще отсутствуют. Почему? – Потому что сближение точек обзора персонажа и автора задается здесь грамматическими средствами русского языка. Ведь формы настоящего и будущего времени предикатов зависимых предложений будут одинаковы как для выражения точки зрения продуцента текста (автора): «*Он способен прикончить Сюзанну, раздавить ее... Все, хватит, дальше некуда!*» – так и для передачи точки зрения референта (персонажа): «<Я> способен прикончить Сюзанну, раздавить ее... Все, хватит, дальше некуда!».

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что темпоральное пространство персонажа в датском языке по умолчанию является дистанцированным от темпорального пространства продуцента (и реципиента) текста, то есть в соответствии с картрированием мира, задаваемым датской грамматикой, «точки обзора» первичного и вторичного концептуализатора оказываются заведомо различными, тогда как в русском языке регулярно происходит грамматическое сближение точек обзора персонажа и повествователя, что интуитивно усиливает эмпатию по отношению к персонажу.

Дальнейшее изложение будет посвящено когнитивному объяснению феномена нарушения этого базового для датской глагольной системы правила «согласования времен», так называемого

«рассогласования». Отметим, что обсуждение лингвокогнитивных механизмов рассогласования стало предметом недавних исследований на английском киноматериале [25].

Нарушения проспективной согласовательной нормы

Futurum vs. Futurum in Præterito в публицистических текстах

Для того чтобы получить представление об относительной частотности такого типа «рассогласования», когда вместо согласованного «будущего в прошедшем» в датском языке используется форма несогласованного футурума, в поисковом окне Национального корпуса датского языка были заданы параметры “*sagde at... vil*” ‘сказал (Præt), что (Fut)’. На 100 первых примеров (из 2133 употреблений) было обнаружено 7 примеров, отвечающих заданному запросу. Остальные демонстрировали нормативное согласование времен – либо в претеритальном “*sagde at... ville*”, либо в презентном плане “*har sagt at... vil*”.

Отметим, что все подобные примеры рассогласования были обнаружены в медийном дискурсе, а именно в новостных сообщениях, которые, в отличие от художественного нарратива, pragmatically ориентированы на актуального адресата.

Sagde at ... vil + Inf в новостных сообщениях

Forsvarsministeren sagde, at det vil være nødvendigt at indsætte styrke fra såvel land- som sø-siden for at tvinge irakerne op af deres nedgravede stillinger. (Berlingske Tidende). ‘Министр обороны сказал, что **будет необходимо** применить как сухопутные, так и военно-морские силы, чтобы выбить иракцев из их укреплений’.

Общим для всех примеров было то, что футуральная перспектива субъекта косвенной речи совпадала с футуральной перспективой автора высказывания. То есть в датском языке употребление футурума в придаточном предложении при предикате речевой деятельности в претерите – и даже в плюсквамперфекте – возможно тогда, когда *события, прогнозируемые референциальным субъектом, являются будущими – то есть еще не реализованными – и для первичного субъекта*. Тем самым их представление ситуации объективного будущего вербализируется как идентичное для повествователя и субъекта повествования.

Особенности «нормативного» согласования (*sagde at ...ville + Inf*) в новостных сообщениях

Любопытно сопоставить приведенные выше примеры с теми примерами новостных сообщений из Корпуса, где при предикате главного предложения в форме претерита (*sagde at ...*) предикат зависимого предложения выражается сочетанием *ville + Inf*. Формально такой предикат совпадает с типичной формой будущего в прошедшем в нарративных текстах. Отличие состоит в том, что в актуальных сообщениях прогнозируемое событие является еще не реализованным как для первичного, так и для вторичного субъекта. И тем не менее в них зависимое предложение также оформляется формой *ville + Inf*.

Общим для всех подобных примеров является то, что субъект косвенной речи выражает не объективное положение дел в будущем, а субъективное намерение совершить или не совершить какое-либо действие. То есть здесь всегда присутствует модальный компонент семантики предиката. Семантика датского предиката *ville + Inf* оказывается закономерно многозначной: это и футуральная перспектива субъекта косвенной речи из момента речи в прошлом (будущее в прошедшем), и волеизъявление говорящего в момент прошлой речи (претерит модального глагола *ville* ‘хотеть’) и, что особенно важно в плане сопоставления перспективы автора и субъекта сообщения, эпистемическое дистанцирование – сигнал о том, что представление о будущем, желаемом с точки зрения вторичного субъекта, не обязательно совпадает с представлением об объективном будущем с точки зрения первичного субъекта:

Når statsminister Schlüter i går på den konservative jubilæumskonference sagde, at han ville kæmpe for at blive og kun træde tilbage, hvis et flertal i Folketinget ønskede det, var det ikke tom retorik (В.Т.). ‘Когда вчера на юбилейной конференции премьер-министр Шлютер говорил, что **собирается**

(*будет / хочет / хотел бы*) бороться за то, чтобы остаться, и уйдет в отставку только если этого пожелает парламентское большинство, это не было пустыми словами'.

Har sagt at ... ville + Inf в публицистических текстах

Проявления «рассогласования» обнаруживаются и в тех случаях, когда предикат речевой деятельности главного предложения выражен формой **перфекта**, например *har sagt*, а предикат зависимого предложения – формой **будущего в прошедшем** *ville + Inf*.

Предикат главного предложения, выраженный формой перфекта, обозначает повторяемость высказывания и соотносит сообщение с моментом речи. Поэтому нормативным является использование в зависимом предложении футурума: *Sb₁ har sagt at Sb₂ vil + Inf*.

Вместе с тем в Корпусе на 100 рассмотренных примеров нам встретилось 5 новостных сообщений, в которых при предикате речевой деятельности в форме перфекта был употреблен зависимый предикат в форме *ville + Inf*.

Tidligere har Frp. sagt, at man ville pege på lederen af det største borgerlige parti som ny statsminister. Med den udsigt til fremgang som samtlige meningsmålinger spår, vil Venstre blive størst, og Uffe Ellemann ville så indtil i dag have kunnet påregne støtte fra Frp. til sit evt. Statsministerkandidatur. Men jeg mener ikke længere, at det automatisk skal være lederen af det største parti, der afløser Schlüter (B.T.). ‘Ранее в Партии прогресса заявляли, что новым премьер-министром **станет** лидер крупнейшей буржуазной партии. Судя по опросам общественного мнения, Либеральная партия **будет** самой крупной, и Уffe Эллеманн до сегодняшнего дня мог ожидать поддержки своей кандидатуры со стороны Партии прогресса. Но я больше не верю, что Шлютера автоматически **сменит** лидер крупнейшей партии’.

Использованные в тексте лексические показатели (*tidligere* ‘ранее’, *indtil i dag* ‘до сегодняшнего дня’, *ikke længere* ‘больше не’) подтверждают, что футуральный прогноз субъекта повествования – Партии прогресса – потерял свою актуальность для автора текста, хотя прогнозируемое событие (выборы нового премьер-министра) объективно по-прежнему относятся к моменту в будущем, общему для обоих субъектов. Употребление формы *ville + Inf* свидетельствует о том, что автор текста дистанцируется от достоверности прогноза Партии прогресса, маркируя тем самым несовпадение взглядов продуцента речи и референциального субъекта на будущее развитие событий. То есть здесь речь идет не о темпоральном, а об эпистемическом дистанцировании.

Perfektum vs. Plusquamperfektum в новостных сообщениях

Исследовательница датской глагольной системы Л.М. Локшанова объясняла согласованное или несогласованное употребление форм датского глагола жанровой спецификой текста, противопоставляя согласование форм в художественном нарративе нарушению согласования в газетных текстах [23]. Мы же предлагаем когнитивное объяснение этого феномена, позволяющее объяснить, как случаи сохранения согласования в газетных текстах, так и случаи нарушения согласования в художественном нарративе.

Ведь именно для актуальных газетных сообщений характерно совпадение временной перспективы продуцента новостного сообщения и его референциального субъекта. Так, в приведенном ранее примере “*Forsvarsministeren sagde, at det vil være nødvendigt at indsætte styrker...*” актуальность информации о расходах на вооружение совпадает и для цитируемого политика, и для журналиста, и для тогдашней читательской аудитории, которой это сообщение было адресовано. Нарушение согласования в буквальном смысле делает их «со-временниками», помещая в общее темпоральное пространство.

Если обобщить проанализированные в ходе исследования примеры сохранения согласования в актуальных газетных текстах с точки зрения перспективизации события продуцентом и референтом сообщения, то окажется, что – также как и в отмеченных нами выше случаях согласования будущего в прошедшем – формальное согласование плюсквамперфекта неизменно

отражает дистанцирование точек зрения первичного и вторичного концептуализатора. Причем такое дистанцирование может быть как темпоральным, так и эпистемическим, когда автор дистанцируется от достоверности взглядов или представлений референциального субъекта. Это особенно заметно в контекстах с путативными глаголами, которые обозначают мнение, не обязательно являющееся достоверным), например *mente* ‘полагали’ в следующем примере, где контекст эксплицирует различие в понимании ситуации референтом сообщения:

I foråret mente amerikanerne på grundlag af satellitfotografier, at Iran havde samlet ikke mindre end en halv million mand til det store slag mod Irak. Siden er disse bedømmelser blevet påfalende mere beskedne og der har i stedet været tal om en kvart million mand (Information) ‘Весной на основании спутниковых фотографий американцы полагали, что Иран собрал не менее полумиллиона человек для массированного удара по Ираку. С тех пор оценки стали значительно скромнее и речь шла уже о четверти миллиона’.

Perfektum vs. Plusquamperfektum и Præsens vs. Præteritum в художественном повествовании

В художественном повествовании о прошлых событиях замена согласованного плюсквамперфекта на несогласованный выполняет роль актуализатора прошлого опыта персонажа-повествователя:

Således trådte vi ind i skoven. Det var en sløj skov, sparsomt bevokset. Jeg har aldrig tidligere set en skov med så stor afstand mellem træerne. Hvilke træer det var, kan jeg ikke sige. (Hesselholdt). ‘Так мы вошли в лес. Это был странный лес с редкими деревьями. Никогда прежде я не видела такого расстояния между лесными деревьями, что это были за деревья, сказать не могу’.

Хотя наречие *tidligere*, в отличие от наречия *før*, обычно обозначает предшествование моменту в прошлом и сочетается с формой плюсквамперфекта (ср. *jeg havde aldrig tidligere* и *jeg har aldrig før*), в данном случае оно вводит форму перфекта. В результате возникает эффект темпоральной двухфокусности повествования: рассказчица одновременно повествует о событиях прошлого и дает им оценку из своего настоящего.

Схожую роль экспликатора личности повествователя, если повествование ведется от первого лица, играет замена **согласованного претерита на несогласованный презенс**:

Middagen var på ambassaden, hvor Alma var æresgæst, og lektoren havde glemt at meddele, at jeg ikke spiser kød (Hesselholdt) ‘Прием проходил в посольстве, где Альма была почетной гостьей, а лектор забыл сообщить, что я не ем мяса’.

Хотя описываемая ситуация относится к моменту прошлого, актуальность информации, вводимой придаточным дополнительным, сохраняется для повествователя на момент повествования, поэтому использование презенса вместо претерита здесь закономерно.

Præteritum vs. Plusquamperfektum в художественном повествовании

В датском художественном повествовании стандартным проявлением ретроспективного согласования времен служит использование плюсквамперфекта для обозначения более отдаленных во времени эпизодов относительно основной линии развития сюжета в прошлом. В этом случае повествование в плюсквамперфекте, создающее дистанцированную темпоральную перспективу, может охватывать значительные по объему фрагменты текста. Однако в художественном тексте в рамках одного абзаца возможен и обратный переход – от предикатов в форме плюсквамперфекта к формам претерита. Такое «рассогласование» служит языковым приемом *foregrounding* – перцептивного приближения события к автору (и тем самым к читателю), создавая темпоральный эффект укрупнения плана повествования.

Наглядный пример находим у Кристины Хессельхольдт. Одна из глав ее книги «*Camilla og resten af selskabet*» посвящена рассказу о пребывании главной героини в Сербии. Повествование ведется от первого лица в претерите. Поездка не задалась, и героиня вспоминает события, предшествовавшие путешествию. Сдвиг в предпрошлое отдаляет временную перспективу повествования, что закономерно маркируется использованием форм плюсквамперфекта. Однако

в середине абзаца, в рамках того же эпизода, повествование вдруг переключается на формы претерита, что создает «кинематографический» эффект приближения плана повествования. То место абзаца, где повествование на датском переходит с плюсквамперфекта на претерит отмечено нами значком | :

Jeg havde lovet Edvard at lufte hans hund den eftermiddag, jeg skulle af sted. Han havde sagt, at jeg sagtens kunne lade den gå uden snor, men jeg havde nær aldrig fået fanget den igen. Jeg havde jagtet den gennem hele Fælledparken og var endt på pladsen foran posthuset. | Det styrtede ned, hunden og jeg var de eneste levende væsener udenfor den søndag eftermiddag, og hunden var gået i ly under posthusets tag, selv sad jeg på statuen midt på pladsen og stirrede afmægtigt på den, drivvåd og rasende...Hunden så lille og fortabt ud ved siden af søgerne, men det skulle man ikke tage fejl af – så snart jeg nærmede mig, sprang den med et skævt smil ned ad trinene...Når jeg igen indtog min position i regnen, gik den i ly og så fremdeles (Hesselholdt). ‘Я пообещала Эдварду выгулять его собаку в тот самый день, когда я должна была уезжать. Он уверял, что ее без проблем можно спустить с поводка, но я чуть было ее не упустила. Я гонялась за ней по всему парку и настигла на площади перед почтой. | Лил дождь. В тот воскресный день мы с собакой были единственными живыми существами на улице, собака укрылась под козырьком почты, а я, насквозь промокшая и злая, присела на скульптуру посреди площади и бессильно взирала на нее. Рядом с колоннами собака казалась маленькой и потерянной, но не стоило обманываться – как только я приближалась, она отскакивала, кривя морду в ухмылке. Когда я опять занимала позицию под дождем, она возвращалась под навес и выглядела совершенно довольной’.

Замена плюсквамперфекта на претерит придает эпизоду самостоятельную ценность, будто повествователь приближает к себе происходящее и как бы рассматривает его «крупным планом» – более пристально и подробно, нежели те события, которые выражены плюсквамперфектом.

Заключение

Примененный в исследовании антропоцентрированный подход позволяет утверждать, что употребление несогласованных форм в датских художественных и новостных текстах имеет единую когнитивную природу, основанную на изменении перспективизации изложения продуцентом текста. Различие же формальных типов нарушений определяется коммуникативной спецификой художественного и медийного дискурсов.

Новизна подхода заключается в использовании категорий перспективизации и дистанцирования в качестве базовых для понимания закономерного усложнения аналитических форм датского глагола, а также для объяснения разных типов нарушений согласовательной нормы в художественных и публицистических текстах.

Сопоставление таксисных фрагментов текста на датском языке с их переводными русскими эквивалентами позволяет продемонстрировать, сколь важной оказывается категория темпорального дистанцирования для датского языка в плане нюансированного выражения темпорального отдаления от продуцента речи. В русских переводах такое дистанцирование регулярно заменяется на общую темпоральную перспективу продуцента, референта и адресата речи.

Стандартная согласовательная норма датского языка основывается на последовательном дистанцировании темпоральных пространств продуцента и референта текста. Такое дистанцирование по умолчанию обслуживает объективное изложение событий. Нарушение указанной согласовательной нормы всегда свидетельствует об усилении субъективного фактора. Это выражается в темпоральном приближении плана повествования к позиции продуцента текста.

В новостных текстах это проявляется в сближении грамматическими средствами темпорального пространства референта и продуцента текста – как в плане идентичного восприятия актуальности событий, так и в плане идентичного прогнозирования событий. Тогда как сохранение «нормативного» согласования в новостных сообщениях, когда объективно денотативное

событие является будущим и для автора, и для адресата, становится прагматическим сигналом эпистемического дистанцирования – маркером несовпадения взглядов продуцента речи и референциального субъекта на будущее развитие событий.

В художественных текстах нарушение нормативного согласования создает прагматический эффект двухфокусности изложения, когда претеритальный план повествования сопровождается презентными оценками повествователя или когда повествование об отдаленных событиях прошлого, предшествующих основной сюжетной линии, переключается с плюсквамперфекта на претерит, создавая эффект темпорального приближения и тем самым «укрупнения» план повествования.

Сделанные наблюдения имеют практическую значимость для обучения студентов-переводчиков специфике нарушений согласовательной нормы при переводе на датский язык художественных и публицистических текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 9–16.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
3. Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 45–55.
4. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- 5 . Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. 15: Механизмы языковой когниции / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. М.: Тамбов: ИЯ РАН; ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 43–58.
6. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
7. Galbraith M. Deictic shift theory and the poetics of involvement in narrative // Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective / ed. by J.F. Duchan, G.A. Bruder, L.E. Hewitt. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 19–59.
8. Wärvik B. What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding // Approaches to Cognition through Text and Discourse / ed. by T. Virtanen. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 99–122.
9. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung / hrsg. von S. Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. 334 S.
10. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: The MIT Press; London: A Bradford Book, 2003. 569 p.
11. Chatman S. Character and Narrators: Filter, Center, slant and interest-focus. // Poetics Today. 1986. Vol. 7, Iss. 2. P. 189–204.
12. Золотова Г.А. Онищенко Н.К. Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, МГУ, 2004. 544 с.
13. Ржевская А.А. Конструирование субъекта в драматургическом дискурсе: перспектива автора и персонажа // Когнитивные исследования языка. Вып. 5 (56): Язык и знание: на пути получения знания о языке, человеке, мире / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С.284–289.
14. Adamson S. From the empathetic deixis to empathetic narrative: stylization and (de)subjectivisation as processes of language change // Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic perspectives / ed. by D. Stein, S. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 195–224.
15. Hansen E., Helttoft L. Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3: Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011. 1842 s.
16. Никуличева Д.Б., Крылова Э.Б., Гурова Е.А. Антропоцентрическая грамматика датского языка / под общ. ред. Д.Б. Никуличевой. Москва: МАКС Пресс, 2024. 416 с.

17. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 250–259.
18. Норман Б.Ю. Есть ли у медиатекстов своя грамматика? // Медиалингвистика. Вып. 8: Язык в координатах массмедиа: мат. V междунар. научн. конф. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 59–62.
19. Шмелёва Т.В. Грамматика языка медиа: фактор жанра // Медиалингвистика. Вып. 9: Язык в координатах массмедиа: мат. VI междунар. научн. конф. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 80–83.
20. Конюшкевич М.И. Влияние медиаречи на грамматику языка: методология и методики исследования // Медиалингвистика. Вып. 12: Язык в координатах массмедиа: мат. IX междунар. научн. конф. СПб.: Медиапапир, 2025. С. 38–42.
21. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский язык. // Принципы типологического анализа языков различного строя / под. ред. Б.А. Успенского. М.: Наука 1972. С. 95–114.
22. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности. // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.
23. Локштанова Л.М. Система форм индикатива в датском языке // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории. М.: Институт языкоznания АН СССР, 1984. С. 59–99.
24. Берков В.П. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология (Scandinavica). Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1978. С. 42–57.
25. Серозеева Д.Н. Когнитивно-дискурсивные стратегии рассогласования и эвфемизации в реализации комического в жанре романтического кино // Когнитивные исследования языка Вып. 5 (61): Когнитивные описания языка: концепции, методы, процедуры. / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Тамбов», 2024. С. 499–505.

REFERENCES

- [1] Stepanov Yu.S., Emil Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy [Émile Benveniste and Linguistics in Transformation], Benveniste É., Obshchaya lingvistika [General linguistics], Progress, Moscow, 1974.
- [2] Bühler K., Teoriya yazyka. Repräsentativnaya funktsiya yazyka [Theory of language. The representative function of language], Progress, Moscow, 1993.
- [3] Kravchenko A.V., K probleme nablyudatelya kak sistemoobrazuyushchego faktora v yazyke [On the problem of the observer as a system-forming factor in language], Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, 52 (3) (1993) 45–55.
- [4] Iriskhanova O.K., Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2014.
- [5] Iriskhanova O.K., O ponyatii perspektivizatsii v kognitivnoy lingvistike [On the concept of perspectivization in cognitive linguistics], Cognitive Studies of Language, Iss. 15: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii [Mechanisms of linguistic cognition], vol.'s resp. ed. V.Z. Demyankov, Institute of Linguistics RAS, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, Moscow, Tambov, 2013, pp. 43–58.
- [6] Langacker R.W., Foundations of Cognitive Grammar, Vol. 1: Theoretical Prerequisites, Stanford University Press, Stanford, 1987.
- [7] Galbraith M., Deictic shift theory and the poetics of involvement in narrative, Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective, ed. by J.F. Duchan, G.A. Bruder, L.E. Hewitt, Lawrence Erlbaum, Hillsdale, 1995, pp. 19–59.
- [8] Wärvik B., What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding, Approaches to Cognition through Text and Discourse, ed. by T. Virtanen, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2004, pp. 99–122.
- [9] Leiss E., Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung, hrsg. von S. Sonderegger, Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1992.
- [10] Talmy L., Toward a Cognitive Semantics, Vol. 1: Concept Structuring Systems, The MIT Press, Cambridge, MA, A Bradford Book, London, 2003.
- [11] Chatman S., Character and Narrators: Filter, Center, slant and interest-focus, Poetics Today, 7 (2) (1986) 189–204.

- [12] **Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.**, Kommunikativnaya grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of the Russian language], Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2004.
- [13] **Rzhevskaya A.A.**, Konstruirovaniye subyekta v dramaturgicheskem diskurse: perspektiva avtora i personazha [Construction of the Subject in Dramatic Discourse: The Perspective of the Author and the Character], Cognitive Studies of Language, Iss. 5 (56): Language and cognition: On the way to comprehending language, human being, and the world, vol.'s ed.inchief O.K. Iriskhanova, Derzhavinsky Publishing House, Tambov, 2023, pp. 284–289.
- [14] **Adamson S.**, From the empathetic deixis to empathetic narrative: stylization and (de)subjectivisation as processes of language change, Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic perspectives, ed. by D. Stein, S. Wright, Cambridge University Press, Cambridge, 1995, pp. 195–224.
- [15] **Hansen E., Heltoft L.**, Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3: Det Danske Sprog- og Literaturselskab, Syddansk Universitetsforlag, Odense, 2011.
- [16] **Nikulicheva D.B., Krylova E.B., Gurova Ye.A.**, Antropotsentricheskaya grammatika datskogo jazyka [Anthropocentric grammar of the Danish language], ed. by D.B. Nikulicheva, MAKS Press, Moscow, 2024.
- [17] **Olomskaya N.N.**, On Genre Classification of Media Discourse, Scientific Dialogue, 5 (17) (2013) 250–259.
- [18] **Norman B.Yu.**, Do Media Texts Have Their Own Grammar?, Medialingvistika [Medialinguistics], Iss. 8: Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in mass media coordinates]: Proc. of the 5th International Scientific Conf., Mediapapir, Saint Petersburg, 2021, pp. 59–62.
- [19] **Shmeleva T.V.**, Grammar of the Media Language: The Genre Factor, Medialingvistika [Medalinguistics], Iss. 9: Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in mass media coordinates]: Proc. of the 6th International Scientific Conf., Mediapapir, Saint Petersburg, 2022, pp. 80–83.
- [20] **Konyushkevich M.I.**, The Influence of Media Speech on the Grammar of Language: Methodology and Research Techniques, Medialingvistika [Medalinguistics], Iss. 12: Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in mass media coordinates]: Proc. of the 9th International Scientific Conf., Mediapapir, Saint Petersburg, 2025, pp. 38–42.
- [21] **Jacobson R.**, Shiftery, glagolnye kategorii i russkiy jazyk. [Shifters, verb categories and the Russian language], Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya [Principles of typological analysis of languages of different systems], ed. by B.A. Uspenskiy, Nauka, Moscow, 1972, pp. 95–114.
- [22] **Bondarko A.V.**, K voprosu o pertseptivnosti [On the issue of perceptivity] // Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kultura [Hidden meanings. Word. Text. Culture], resp. ed. Yu.D. Apresyan, Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2004, pp. 276–282.
- [23] **Lokshtanova L.M.**, Sistema form indikativa v datskom jazyke [The system of indicative forms in Danish], Skandinavskiye jazyki. Aktualnyye problemy grammaticeskoy teorii [Scandinavian languages. Current problems of grammatical theory], Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the Soviet Union, Moscow, 1984, pp. 59–99.
- [24] **Berkov V.P.**, Soglasovaniye vremen v norvezhskom jazyke [Agreement of tenses in Norwegian], Scandinavica, Iss. 3, Leningrad State University, Leningrad, 1978, pp. 42–57.
- [25] **Serozeyeva D.N.**, Kognitivno-diskursivnyye strategii rassoglasovaniya i evfemizatsii v realizatsii komicheskogo v zhanre romanticheskogo kino [Cognitive-discursive strategies of misalignment and euphemization in the implementation of the comic in the genre of romantic films], Cognitive Studies of Language, Iss. 5 (61): Cognitive insights into language: Theories, methods, procedures., vol.'s ed. in-chief O.K. Iriskhanova, Publishing House Tambov, Tambov, 2024, pp. 499–505.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Никуличева Дина Борисовна

Dina B. Nikulicheva

E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9281-0726>

Поступила: 22.07.2025; Одобрена: 10.09.2025; Принята: 17.09.2025.

Submitted: 22.07.2025; Approved: 10.09.2025; Accepted: 17.09.2025.